

И. А. Слуцкая, О. А. Чичелова  
Г. И. Прибыловский.  
**Попытка спасения сельской идиллии**

После революции 1917 г. парки бывшей императорской резиденции в Петергофе стали частью Музея Петергофских дворцов и парков, а затем начался процесс их исключения из состава музея. В 1930-х гг. формировались границы музея. При включении или исключении территорий из его состава исходили из признания необходимости сохранения парков петровского времени, тогда как романтические пейзажные парки XIX в. казались менее ценными. Одновременно с этим и сам город Петергоф обретал новые границы. В 1939–1940 гг. работая над проектом Генплана города, архитектор отдела Ленгорсовета Г. И. Прибыловский стремился превратить Петергоф в город с новой судьбой, отдельной от музея. Осознавая художественную ценность некоторых деревянных построек, оказавшихся за чертой музея, Прибыловский проводил работу по их описанию и учету и выдвинул предложение о создании отдельного музейного комплекса. Мы обратимся к истории деревянных построек и их декоративным и стилистическим особенностям, чтобы осознать значимость строений, которые заинтересовали архитектора, и оценить попытку их спасения, которую он предпринял чуть менее ста лет назад.

*Ключевые слова:* Петергоф; Николай I; Луговой парк; Английский парк, парк Александрия; Г. И. Прибыловский; Березовый домик; Никольский домик; Сосновый домик; Офицерский домик; детские домики

**Слуцкая Ирина Аркадьевна**

ГМЗ «Петергоф». Архитектурный отдел.

Ведущий специалист по изучению объектов культурного наследия.

Россия, 198516, Санкт-Петербург, г. Петергоф, Разводная ул., 2.

E-mail: sluslu2@yandex.ru

ORCID: 0009-0004-5990-4132, SPIN-код: 3979-7737

**Чичелова Ольга Александровна**

ГМЗ «Петергоф». Архитектурный отдел.

Специалист по изучению объектов культурного наследия.

Россия, 198516, Санкт-Петербург, г. Петергоф, Разводная ул., 2.

E-mail:-mail: chichelovao@mail.ru

ORCID: 0009-0000-6982-3775, SPIN-код: 4958-7066

Irina Slutskaya, Olga Chichelova

**Georgy Pribylovsky.  
An Attempt to Save the Rural Idyll**

In 1940, the architect Georgy Pribylovsky considered the fate of wooden buildings located on the territory of Peterhof. After the revolutionary events of 1917, the parks

of the former imperial residence became part of the Museum of Peterhof palaces and parks, and then were excluded from the museum's jurisdiction. In the 1930s, the formation of the museum's boundaries from the former imperial residence began. The principle of inclusion or exclusion of territories from the museum was the idea of the necessity to preserve the parks of the time of Peter the Great, while the romantic landscape parks of the 19th century seemed less valuable. At the same time, the city of Peterhof itself was acquiring new boundaries. In an attempt to turn Peterhof into a city with a new destiny, separate from the museum, the architect of the department of the Leningrad City Executive Committee G. Pribylovsky worked on the project of the General Plan of the city. He recognized the artistic value of certain wooden buildings that lay outside the museum's area, described them, kept records of them, and proposed creating a separate museum dedicated to these wooden buildings. The authors turn to the history of these wooden structures and their decorative and stylistic features, in order to realize the value of the buildings that captivated Pribylovsky and led him to an attempt to save them.

*Keywords:* Peterhof; Nicolas I; Lugovoi park; Angliiskii park, Alexandria Park; G. Pribylovsky; Birch lodge; Nikolsky lodge; Pine lodge; Officer's lodge; children's huts

### **Slutskaya Irina**

Peterhof State Museum-Reserve. Architecture department.  
Senior specialist in the study of cultural heritage sites.  
Russia, 198516, St Petersburg, Peterhof, Razvodnaya ul., 2.  
E-mail: sluslu2@yandex.ru  
ORCID: 0009-0004-5990-4132, SPIN-code: 3979-7737

### **Chichelova Olga**

Peterhof State Museum-Reserve. Architecture department  
Specialist in the study of cultural heritage sites.  
Russia, 198516, St Petersburg, Peterhof, Razvodnaya ul., 2.  
E-mail: chichelovao@mail.ru  
ORCID: 0009-0000-6982-3775, SPIN-code: 4958-7066

С момента создания в 1918 г. музея в Петергофе вопрос о приспособлении территорий и построек бывшей императорской резиденции под современное использование сохранял свою актуальность. Утилитарный подход к его решению привел к сокращению площади музейных территорий и исключению ряда зданий из ведения Управления петергофских музеев (позднее – Дирекции Петергофских дворцов-музеев и парков). В 1930-х гг. к нему относились Верхний сад, Нижний, Английский парки и Александрия [22, л. 14], а также отдельные постройки, располагавшиеся за их пределами. Усилиями музейных сотрудников проводились мероприятия по превращению Петергофа в парк культуры и отдыха [46, с. 124–141], инвентаризация и реставрация фонтанной системы [46, с. 136].

По решению Объединенного пленума Ленинградского городского комитета ВКП(б) и Ленинградского Совета РК (рабоче-крестьянских) и КД (красноармейских депутатов) от 26 августа 1935 г. по докладу тов. А. А. Жданова Петергоф должен был превратиться в место отдыха населения Ленинграда [44, с. 16], для чего потребовалось разработать проект его новой планировки [25, л. 19].

Благодаря хранящимся в ЦГАЛИ СПб ранее не опубликованным документам [25], мы составили представление о ходе работы над проектом петергофского Генплана, которую провел в 1939–1940 гг. выпускник Ленинградского института инженеров коммунального хозяйства архитектор Архитектурно-планировочного отдела Ленгорсовета Георгий Иванович Прибыловский (1905–1969) [39]. В его распоряжении были карточки с описанием памятников архитектуры и садово-паркового искусства, составленные Отделом по делам музеев и охране памятников в 1932 г. Прибыловский сравнивал эти данные с состоянием памятников на 1940 г. и нередко оставлял свои комментарии о ценности объектов, произошедших изменениях и перспективе их использования. Особое внимание Григорий Иванович уделял проблеме сохранения деревянных построек в сельском вкусе.

Согласно инвентаризации Верхнего сада, Нижнего парка, парка Александрия и Английского парка 1934–1935 гг. большинство исторических деревянных построек использовались как жилые, никаких особых мер по их сохранению не принималось, что привело к повреждениям и утратам. Обеспокоенный судьбой петергофских памятников деревянного зодчества, Георгий Иванович предлагал объединить на «обширных площадях» Английского парка наиболее ценные, с его точки зрения, постройки: сохранить расположенный здесь Березовый домик, ближе к нему из Лугового парка «перенести Никольский домик... вместе со... служебной постройкой – миниатюрной избой, с воротами и двором». «На большем или меньшем расстоянии (от Никольского домика. – И. С. и О. Ч.), которое будет определено проектировщиком, должны быть поставлены аналогичные построечки в том же стиле, выполненные тем же Штакеншнейдером – „Офицерский“

у ворот Александрии и „Детский сельский домик“ [31, л. 8]. Количество выбранных Прибыловским петергофских деревянных построек выглядит весьма скромным с учетом того, что в 1927–1928 гг. более пятидесяти деревянных строений относились к государственным Петергофским и Ораниенбаумским музеям [7, л. 12–13].

Архитектор видел в отобранных им постройках близость «по характеру (но не по стилю)» [31, л. 8], оценивал их как путь «насаждения официозного „народного стиля“ через архитектуру» [31, л. 7 об.]. Эта формулировка характерна для риторики 1930-х гг., однако не объясняет, почему его волновала судьба «сельских домиков», а не других деревянных построек.

Из перечисленных Прибыловским построек самая ранняя – Березовый домик, возведенный в 1780 г., по мнению многих исследователей, архитектором Дж. Кваренги в Английском парке по заказу Екатерины II. В 1940 г. было «намечено на перспективу развития парка использовать (домик. – И. С. и О. Ч.) под музей» [23, л. 10]. По описанию 1932 г. Березовый домик представлял собой одноэтажное бревенчатое здание с высокой соломенной кровлей, составленное из трех связанных вместе срубов, образующих в плане прямоугольник. К одной из сторон прямоугольника примыкал «большой выступ в форме вытянутого полукружия, перекрытый конической соломенной кровлей; стены этого выступа оббиты плотными,ложенными в ряды пучками из соломы». Остальные стены домика состояли «из горизонтально уложенных бревен, перевязанных в чашку, причем часть бревен действительно березовые и некоторое количество сосновых; все бревна оббиты березовой корой на шпильках». Интерьер имел дворцовый характер. Полукруглому выступу фасада соответствовал главный овальный зал. Стены зала, фризы над окнами, доходящими до полу, карниз, падуга и потолок были покрыты тонкой художественной росписью в стиле Людовика XVI; пол выстлан дорогим паркетом из ценных пород «цветных дерев». Во всех других комнатах домика были также уложены фигурные паркеты; стены облицованы пиястрами, панелями и живописью по штукатурке и холсту, а в одной из них – зеркалами, вправленными в трельяжную бронзовую решетку [31, л. 24].

Подобная архитектурная игра отражала общеевропейскую моду на строения в рустическом вкусе и павильоны-«молочни», которые со времен королевы Англии Марии II (1682–1694) стали синонимом женской добродетели [65]. Популярности подобных павильонов способствовали нравственно-философские идеи Ж.-Ж. Руссо и эстетика сентиментализма. На континенте аналогом английских «молочных» павильонов стали увеселительные павильоны, архитектурно подражающие швейцарским шале. Самые известные примеры: «Молочная для удовольствия» (1774–1775) принца Конде в Шантанье, версальская ферма (1783–1786) Марии-Антуанетты. В России характерным примером подобных построек являлся не только Березовый домик в Английском парке Петергофа, но и павильон Молочный домик в Павловске, сооруженный в 1782 г.

Следующим по дате строительства отобранным архитектором Прибыловским памятником стал Никольский домик, построенный в 1835 г. по проекту А. И. Штакеншнейдера на берегу Запасного пруда в Луговом парке.

Во второй четверти XIX в. Петергоф переживал «новый расцвет» [61, с. 62], интенсивно преобразовывались его окрестности. С 1825 г. по воле императорской четы Николая I и Александры Федоровны расширялись прогулочные маршруты, возникали новые архитектурно-парковые ансамбли, а на их территории появлялись разностилевые строения. Изначально супруги поселились в Коттедже («сельском домике») в Александрии – своей новой частной семейной резиденции. Одновременно со строительством Коттеджа планировалось устройство Фермы [45, с. 59] в английском вкусе. Идея ее создания возникла под впечатлением от путешествия Николая I в статусе великого князя в Англию в 1816 г., а также под влиянием сентиментальных образов сельских построек в Павловске, где он и его супруга любили проводить время в первые годы совместной жизни [16, л. 6]. Ферма, возведенная по проекту А. Менеласа в 1829–1831 гг. [61, с. 62], отдаленно напоминала Easter Cottage в Charlestown, оформленного с элементами неоготики и неоднократно служившего Менеласу образцом при разработке построек в сельском вкусе [64].

Во второй половине 1830-х гг. стилистика петергофских «сельских домиков» изменилась. В 1835 г. император заказал архитектору Штакеншнейдеру проект домика в русском вкусе. Стилизованный под крестьянскую избу Никольский домик был сооружен на территории Лугового парка, где император Николай I постепенно создавал архитектурную модель идеального устройства России [57], в относительной близости от палаточного лагеря для лейб-гвардии Саперного батальона и роты воспитанников инженерного училища.

Возникновение такой постройки, как Никольский домик, являлось отражением нового витка развития архитектуры в период эволюции стиля от классицизма к романтизму, а также сложного ассоциативного ряда, возникшего под влиянием исторических событий и творческого взаимодействия многих талантливых мастеров с конца XVIII в. В конце правления Екатерины II при доминировании классицизма в архитектуре стали появляться готические, египетские формы (архитекторы В. И. Баженов и М. Ф. Казаков, Ч. Камерон). В начале XIX в. можно было наблюдать любопытное смешение мотивов русской и европейской средневековой архитектуры. В дальнейшем поиск новых архитектурных форм продолжился на фоне зарождающегося романтизма, одной из черт которого было обращение к национальному прошлому: в странах Западной Европы в конце XVIII – начале XIX в. оно ассоциировалось с готическими формами в искусстве, а в России – с деревянной крестьянской архитектурой, с одной стороны, и византийским храмовым зодчеством – с другой. Например, в построенной в 1801 г. по проекту архитектора А. И. Воронихина Ферме в Тярлеве [51, с. 39] главный павильон сочетал черты классицизма и неоготики, а служебные постройки были выполнены в формах традиционного русского деревянного зодчества.

В период Наполеоновских войн остро чувствовалась потребность выразить идею противостояния интернациональному войску захватчика. Воплощением русского национального духа стала крестьянская тематика. Народное звучание имел праздник, устроенный в Павловске по случаю возвращения русских войск из Заграничного

похода 26 июня 1814 г. Основным местом проведения торжества стал Розовый павильон и прилегающая к нему часть парка. Здесь проходило представление «сельской драмы» [60] с декорациями в виде сельских построек, созданными при участии архитектора К. И. Росси и художника П. Гонзаго [53, с. 56]. В 1815 г. К. И. Росси спроектировал для Марии Федоровны «типичную» русскую деревню Глазово как развитие идей русского триумфа и их художественное воплощение в русском вкусе. Для украшения фасадов большой и малой изб архитектор использовал традиционные наличники, причелины, полотенца, резьбу и ворота с фигурными балясинами. Этот проект в переработанном варианте был реализован архитектором Л. Адами-ни в 1822–1823 гг. [43]. Вскоре фасады малых изб деревни Глазово были повторены при застройке приписанных к Павловску деревень Липицы, Тярлево и Глинки<sup>1</sup>. Многочисленные деревянные постройки в сельском вкусе обогащали виды императорских резиденций в течение XIX в. [62, с. 173–193].

Постройки в крестьянском вкусе как символ национального противостояния Наполеону оказались востребованы в рамках обмена знаками уважения между странами-победительницами Россией и Пруссиею, когда союз политический был скреплен династическими узами. В 1817 г. дочь прусского короля Фридриха Вильгельма III Фридерики Луизы Шарлотта Вильгельмина Прусская, в православии Александра Федоровна сочеталась браком с Николаем Павловичем, братом русского императора Александра I. Спустя год король Пруссии получил в дар проектный лист «постоялого двора» К. Росси в память о своем визите в Россию. В 1819 г. напротив Павлиньего острова в Потсдаме по российскому чертежу был построен Никольский дом как символ родственной связи двух монарших семей<sup>2</sup>. В 1826–1827 гг. неподалеку от Никольского дома в том же стиле была построена деревня Александровка в память об Александре I.

Таким образом, обращение к традициям русского деревянного зодчества при строительстве сельского Никольского домика в Петергофе было весьма симптоматично, поскольку отражало идею победы над Наполеоном I и укрепления политico-культурных связей с Пруссиею. Демонстрации народного патриотизма

в эпоху Наполеоновских войн служил и способ презентации Никольского домика императрице Александре Федоровне с переодеванием Николая I в мундир инвалида Измайловского полка, а великих князей и княжон – в крестьян [49, с. 107]. Согласно описи 1861 г. [12, л. 1–2], в Никольском домике находились «Портрет ее величества государыни императрицы Александры Федоровны, сидящей в кресле у письменного стола» работы А. Брюллова, в раме орехового дерева [4], «Переход французской армии через Березину в 1812 г.», литография Дюпрессуара с картины Гессе, в картонной раме под стеклом, «Сражение при Бородине 26 Августа 1812 г.», литография Виктора с картины Гессе, в картонной раме под стеклом, «Изображение формы воспитанников и офицеров военно-учебных заведений в 1835 г.», рисунок акварелью Сапожникова, в картонной раме под стеклом<sup>3</sup>. Проявление патриотизма императора и демонстрация его близости к народу нашли отклик в использовании петергофских деревянных построек в русском вкусе в царствование Александра II, когда в 1859 г. он разрешил хранившиеся в придворной конторе деревянные блюда, поднесенные его величеству с хлебом и солью, разместить в деревянных сельских домиках в Петергофе, «как то в Никольском домике, на мельнице и проч.» (в архивном деле перечислены пять деревянных, украшенных резьбой блюд, датированных 1859 г., к трем из них прилагались солонки) [18, л. 1–2].

В 1940 г. Григорий Иванович Прибыловский в силу современной ему идеологии обходит вниманием вопрос значения архитектуры в русском стиле, делая акцент на оригинальности и художественной ценности памятника: «Никольский домик... представляет интересный и весьма редкий образчик деревянной павильонной архитектуры, притом исполненной весьма талантливо одним из выдающихся архитекторов Николаевской эпохи. Во всех бывших царских резиденциях можно разыскать всего только один аналогичный образец паркового павильона в оформлении дорогой архитектурно-кустарной игрушки – это домик в национально-русском стиле, выполненный по рисунку Билибина, находящийся в Пушкине, на

окраине Александровского парка, между Руинами, Белой башней и Федоровским городком. Однако в то время как билибинский домик насчитывает около 30 лет (построен ок. 1910–1912 гг.)<sup>4</sup>, домик Штакеншнейдера имеет за собой 106 лет существования. Его, видимо, достаточно берегли, т. к. к моменту составления карточки (1932 г.) он находился в более или менее удовлетворительном состоянии, и ремонт разрушавшейся местами деревянной порезки не требовал ни значительных средств, ни большой затраты материалов. В настоящее время в результате бесхозяйственного отношения и совершенно неправильной его эксплуатации – сдачи в аренду сначала под общежитие, затем под детский дом, после того еще третьему учреждению при полном отсутствии наблюдения – дом приведен в запущенное и разоренное состояние. Не говоря уже о подгнивании и разрушении декоративной порезки, растрескивании фигурных столбиков, повреждении расписных ставен, совершенно сорвана дворовая галерейка на тонких столбиках с обеими лестницами, поднимающимися к ней...» [31, л. 8].

Григорий Иванович Прибыловский рассмотрел и такое любопытное явление, как детские увеселительные сельские домики. Архитектор несколько раз упоминает о Детском домике [31, л. 6].

Во второй половине 1830-х гг. по проекту И. И. Шарлеманя на территории парка Александрия был построен Сельский подвижной домик (он же Русский деревенский домик, Детский русский домик, Детский крестьянский домик). Он входил в состав построек для гимнастических игр, устроенных в 1834 г. у Коттеджа [14, л. 1]. В 1839 г. при передаче дачи Александрия в ведение тайного советника Блока были составлены описи, среди которых «Опись кавалерским домам, гауптвахте, конюшне, сараю, подвижному домику, оранжереи и караулкам в парке» [17, л. 24], в которой дано описание домика, однако отсутствуют его габариты.

Ведомость зданий в Петергофе, находившихся в ведении архитектора Э. Л. Гана, датированная не ранее 1855 г., содержит следующие сведения о детских деревянных постройках на территории парка Александрия: «На берегу моря Детская фермочка рубленная

из бревен, крыта железом состоящая из трех домиков и двух двориков (1), Детская мельница и два детских домика столярной работы, крытые железом (3)» [10, л. 1]. Данные три детские постройки располагались у Фермерского дворца, при этом у дворца Коттедж детские постройки не упомянуты [10, с. 1–3]. Исследуя историю детских домиков в Александрии, В. М. Тенихина обнаружила еще две описи – 1882 и 1894 гг., – в которых перечислены два детских домика [2, л. 2]. Таким образом, первый детский сельский домик И. И. Шарлеманя мог быть перемещен ближе к Фермерскому дворцу, подтверждением чему может служить фотография 1860-х гг. и акварель А. Бланшара 1868 г. [6; 17]. Вторым детским домиком, вероятно, является созданный А. П. Кожевниковым. В 1844 г. он построил Императорский сельский приказный дом» на Бабигоне [58, с. 67–75], вскоре после чего сделал его маленькую копию. «К следующему году своими собственными столярами по составленным им рисункам он сделал домик в 4 аршина величиной самой изящной отделки; домик этот состоит из 70 отдельных частей, он сделан из разных дерев, украшен самой тонкой резьбою, в русском вкусе, равно как и вся красивая мебель его, и хотя в нем все соразмерно было детскому возрасту, но он был так поместителен, что государыня императрица могла свободно войти в него...» [15, л. 2]. Существует еще одно описание домика: «Сруб и фронтоны были сложены из малых бревен (диам. 0,10 м) и окрашены охрой, двускатная тесовая крыша – зеленою масляной краской. В продольных стенах домика было по два застекленных окна с резными наличниками и двустворчатыми ставнями, окращенными белой масляной краской, у передней стены два окна и дверь с такими же наличниками» [15, л. 2]. Постройка ежегодно разбиралась и собиралась Кожевниковым. Домик был подарен наследнику цесаревичу [20, л. 1] и устанавливался в летнее время в цветочном саду у Фермерского дворца [61, с. 108].

В дальнейшем лишь опись, составленная во время инвентаризации парка Александрия в 1929 г., упоминает один детский домик у Фермерского дворца и дает его размеры в современной метрической системе [8, л. 78–79]: 1,75×3 м, высота 2,50 м, что,

пусть и весьма приблизительно, соответствует указанному выше размеру – 4 аршина. Таким образом, домик, указанный в описи 1929 г., – домик Кожевникова.

Карточка 1932 г. из архива Г. И. Прибыловского позволяет прояснить судьбу, очевидно, Детского сельского домика (его расположение: «...огород у ворот Александрии против б. конюшен»). Хотя авторство постройки приписывается А. И. Штакеншнейдеру, приведенное описание при сопоставлении с данными, собранными исследователями в 1990-х – 2000-х гг., позволяет с большой степенью уверенности определить, что это домик, спроектированный Шарлеманем: «Маленький домик столярной работы из тонких гладко остроганных бревен, с двухскатной очень высокой крышей. На двух противоположных сторонах по два окна, обрамленных резными наличниками со ставнями, внутренняя сторона которых расписана по белому фону букетиками цветов и фруктами. На третьей стороне дверь с остатками крылечка; по бокам ее по одному окну такого же типа, как остальные, а над дверью под фронтоном, образованным острым углом крыши, небольшое прямоугольное окошко. Четвертая сторона глухая. Обрезы крыши были украшены резными подзорами и полотенцами. Весь домик окрашен желтой масляной краской, все украшения – белой. Крыша крыта досками и дранкой и была выкрашена в зеленый цвет, теперь совершенно потемневшей. Домик является игрушечным подражанием старинным русским постройкам и характерен для эклектических вкусов времени Николая I, эпохи кризиса крепостнического строя, и представляет собой повторение в миниатюре „русской избы“ Штакеншнейдера. <...> Дл. 3,5 м, шир. 3 м (5 арш. 4 арш)... Сохранность плохая: сломано крылечко, отсутствуют створки дверей, пожухла, почернела краска, выбиты многие стекла» [31, л. 6]. Составитель карточки сообщает историю Детского домика: «Находился ранее в цветочном саду близ Фермерского дворца и, по видимому, построен также арх. Штакеншнейдером, переделывавшем Ферму для наследника Николая I Александра в 1841 г. Здесь в замкнутом парке Александрии царская семья наслаждалась простотой „сельской“ обстановки, чemu способствовал английский характер парка,

подражающего естественной природе и наполненного всевозможными мелкими постройками, служившими забавой для царских детей. К этим постройкам и относилась миниатюрная избушка<sup>5</sup> около самого дворца, имевшая полную обстановку в „крестьянском“ вкусе, а также маленькая водяная мельница на ручейке за дворцом, маленькая крепость с землянкой и окопами и маленькая пожарная каланча с полным оборудованием. Из всех этих затей, характерных в историко-бытовом отношении и интересных в качестве произведений, занимающих среднее положение между архитектурным сооружением и кустарной игрушкой, уцелел до нашего времени только сельский домик» [31, л. 6 об.].

На фотоснимке 1920-х гг. из коллекции ГМЗ «Петергоф» Детский сельский домик Шарлемана запечатлен у юго-восточного угла Фермерского дворца [6]. По информации А. А. Белова, к 1931 г. детского домика не существовало на месте [1, л. 44], однако и в поздних недатированных комментариях к описи 1861 г. обнаруживаем указание о переносе постройки: «Комнатаная опись по караульному бывшему Детскому крестьянскому домику близ <Александрийского дворца> (зачеркнуто. – И. С., О. Ч.) Главных ворот» [11, л. 1]. На карте 1935 г. эта постройка обозначена как Летний дом [5]. В 1941 г. Г. И. Прибыловский комментирует карточку: «Детский домик перенесен с огорода у ворот Александрии в Верхний сад, однако поставлен не на открытом месте, а за воротами у Верхнесадского дома и прислонен к самой ограде, где он вовсе не виден» [31, л. 6 об.]. Г. И. Прибыловский, учитывая стилистику и художественную ценность Детского сельского домика, предполагал: «Лучшим местом для него была бы детская площадка или, в случае нежелания художников смешивать стили ее оборудования, в соседстве с Никольским сельским домом, где эти кустарные талантливые архитектурные игрушки Штакеншнейдера могли бы составить интересный ансамбль» [31, л. 6]. В. М. Тенихина предполагала, что «даже если домик оставался у детских игр, он явился прототипом для сооружения караульного домика у Главных ворот» [2, л. 2]. Однако интерес к нему Прибыловского позволяет предположить в нем тот самый домик для игр, сооруженный И. И. Шарлеманем.

Г. И. Прибыловский останавливает свой выбор и на одной из служебных построек – Офицерском домике, построенном А. И. Штакеншнейдером в 1830–1840-х гг. у Главных ворот парка Александрия (рядом с конюшнями на южной стороне дороги к Коттеджу). В 1932 г. он описан как «небольшой деревянный домик, срубленный из толстых досок с высокой двухскатной крышей. На северном фасаде, обращенном к аллее, два окна с очень сложными резными наличниками, представляющими в верхней своей части узор из двух птиц с розеткой посередине. На окнах ставни, внутренняя сторона которых расписана вазами и букетиками цветов. Свесы острого угла крыши сильно выдаются вперед и служат навесом над балкончиком, устроенным во втором этаже и не имеющим сообщения с низом. Обрезы крыши и решетка балкона украшены богатой выпилочной работой. Противоположный южный фасад имеет также два окна, но с более скромной орнаментикой. На восточной стороне дома небольшое крыльце на деревянных резных столбиках с навесом и два окна, также с наличниками и ставнями, но без росписи. Западный фасад глухой. Все здание выкрашено в желтую краску, вся резьба в белый цвет. Крыша покрыта толем (в позднейшее время)» [31, л. 4]. В 1940 г. Г. И. Прибыловский характеризует Офицерский домик как здание в ложно-русском стиле, характерном для эклектических вкусов дворянского класса в эпоху его упадка. «Офицерский домик, игравший очевидно роль охранного поста при въезде в царский парк, выстроен по типу Никольского сельского домика, построенного арх. Штакеншнейдером у Запасного пруда, и представляющего собой одну из самых ранних попыток воссоздания русского деревянного зодчества в типе „деревенского“ дома. В этом же стиле, очевидно, тем же архитектором выполнен и „Деревенский сельский домик“» [31, л. 4]. Перечисленные деревянные домики – это лишь малая часть всех деревянных строений императорской резиденции.

Петергоф в течение 1843–1853 г. преображается. А. П. Кожевников пишет: «Сельская же его (Петергофа. – *И. С., О. Ч.*) часть оставалась в том же диком состоянии, как и прежде до 1843-го;

Николаевский сельский домик, Самсониевский бассейн и Александрийская колония составляли границу Петергофа, за этой же чертой было болото, поросшее мелким кустарником, через которое нельзя было проехать в июне месяце к деревням, раскиданным на высотах Бабигонских» [21, л. 3]. Далее Кожевников отмечает: «На плане 1853 г. подробно назначены все работы, проведенные в последние 10 лет на землях сельских и так незаметно соединена вся эта местность с Петергофом, что напрасно бы хотел его посетитель отгадать, где находится черта города и где луга парка переходят в покосы поселян. Тут все обдуманно, все красиво и при живописном разнообразии соблюдена во всем гармоническая постепенность» [21, л. 6]. Начиная с 1843 г. в течение 10 лет появились девять новых деревень, гумно, мукомольная мельница, сельский приказной дом, сельская полиция с каланчой, два двора колонистов близ Никольского домика, Императорский сельский домик<sup>6</sup> [21, л. 7; 58, с. 10–13]. Описывая свои впечатления от посещения Лугового парка, где были разбросаны постройки в русском вкусе, М. Корсини сформулировала мысли о «могуществе нашего отечества», которые рождались у персонажей ее очерков: «По одной стороне... идут красивые и прочные избы трудолюбивых поселян, их поля и огороды. Под горою чистой наружности кузница, которую мы приняли за представительницу ремесел. Там речка и каналы между озерами для внутренних сношений. С другой стороны – лагерь, военная сила, охраняющая спокойствие нашего отечества. Вдали зеленые луга, тенистые рощи, здания города, за ними взморье с мелькающими парусами» [54, с. 820]. Павильоны в «русском стиле» демонстрировали национальное своеобразие. Единение государя с подданными подчеркивалось использованием в названиях павильонов и деревень имен членов императорской семьи [55, с. 98].

В 1850-х гг. начинает формироваться комплекс юго-западной части парка Александрия (кухонный корпус, фельдъегерский домик, сарай для экипажей, Сосновый домик и т. д.). В 1854 г. А. П. Кожевников построил детскую водянную мельницу к юго-востоку от Фермерского дворца, повторившую в уменьшенном размере

Царскую мельницу в Луговом парке [61, с. 109]. В 1858 г. по проекту А. И. Штакеншнейдера был сооружен Сосновый домик для наследника цесаревича Николая, старшего сына Александра II [16, л. 7]. Сосновый домик представлял собой деревянное двухэтажное здание на каменном фундаменте с тремя открытыми верандами с трех сторон (западной, восточной и южной). «Свесы высокой двускатной крыши, образующей высокий трехугольный фронтон на северном фасаде, были оформлены резными подзорами. Свесы поддерживали большие фигурные кронштейны; между ними располагался узорчатый пояс. На северном фасаде, обращенном к дороге, в каждом этаже по три окна со ставнями и узорчатыми обрамлениями. Перед окнами второго этажа широкий открытый балкон на деревянных резных кронштейнах» [31, л. 5]. Во время Великой Отечественной войны Сосновый домик был уничтожен [1, л. 43]. К 1850-м гг. относится еще одна деревянная постройка, связанная с тематикой простой крестьянской жизни на лоне природы, вдохнувшей интерес к русской народной архитектуре. Это построенный в 1858 г. детский домик с маленькой фермой для великой княжны Марии Александровны на берегу моря на даче Александрия [19]. Фермочка была разобрана в 1926 г. [1, л. 43].

Сентиментальная идея жизни в гармонии с природой вызывает живой интерес и находит воплощение в парковой архитектуре императорских резиденций в конце XVIII – начале XIX в. Обращение к национальной истории, свойственное общеевропейским тенденциям стиля романтизм, а также театральность придворной жизни в Петергофе в годы царствования Николая I, «внутренне близкой по характеру тем особенностям театральных декораций... [где] большую роль играли образы архитектуры», приводит к появлению «попыток создать образцы национального русского зодчества» [47, с. 273]. Зарождившись в Павловске, интерес к деревянной архитектуре достигает определенного расцвета в Петергофе, где строятся не только отдельные здания, но формируется ансамбль из деревянных построек на территории нескольких парков, соединяющих их с окрестными деревнями. Так, в дальнейшем создаются детские постройки на территории

парка Александрия (в том числе Сосновый домик, предназначавшийся для жизни цесаревича, позднее – великих князей, но не императорской семьи), в чем можно увидеть и игровую идею этих сооружений, и в некоторой степени воспитательную, знакомящую маленьких великих князей и княжон с жизнью народа.

Г. И. Прибыловский являлся свидетелем того, как деревянные постройки перемещались и разбирались. Желание сохранить архитектурное наследие предыдущего века может быть объяснено осознаваемой ценностью столетних деревянных построек и опасением за их дальнейшую судьбу. Архитектор одним из первых отнесся к ним как к красноречивым памятникам своего времени, при этом он не ставил целью публикацию своих наблюдений. Его концепция осталась только на бумаге, в противном случае она могла бы стать предпосылкой к созданию первого музея деревянной архитектуры, хотя сам Прибыловский предполагал более утилитарное использование построек и их приспособление под кафе, или ресторан, или ферму [31, л. 10].

В вихре бурных событий первой половины XX столетия уцелел только Никольский домик. В своей диссертации «Современное состояние Лугового парка» И. В. Новиков отмечает: «Сельский Никольский домик сохранился лучше других зданий, однако весь декор (как наружный, так и внутренний) отсутствует полностью, сруб покосился, крыша требует капитального ремонта, а отдельные конструктивные элементы полной замены, так, как они поражены гнилью. Никольский сельский домик в комплексе Лугового парка оказался почти единственным памятником деревянной архитектуры XIX столетия, дошедшим до наших дней, т. к. ни караулок в их прежнем виде, ни сельского приказного дома, ни здания сельской полиции, ни старых крестьянских или колонистских домов, как и деревянных мостов того периода, не существовало уже в предвоенные годы» [41]. Дневниковые записи архитектора А. И. Вехвиляйнен 1980–1982 гг. фиксируют дальнейшие разрушения: «В настоящее время от усадьбы сохранился лишь двухэтажный дом, лишенный всех украшений. (Из записки Севастьянова)<sup>7</sup>.

Потеря этих построек во многом искажила облик Петергофа, существовавший в Николаевскую эпоху и во второй половине XIX в.

### ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> Стоит отметить, что в планировочных схемах деревень и в отдельных элементах прорезного декора все же сохранилось влияние позднего классицизма. См.: [59, с. 57; 55, с. 59].

<sup>2</sup> Строение имело вид двухэтажной рубленной избы с обрамленными наличниками окнами, четыре резные колонки поддерживали крыльцо и галерею второго этажа, еще один балкон был устроен на уровне чердака. Дом украшали резные охлупень, причелины и полотенца. Навес с воротами и калиткой соединял главное здание с бревенчатым хозяйственным строением. См.: [63].

<sup>3</sup> В описи 1926 г. перечислены три из указанных выше работ: литографии с картин Гессе и рисунок акварелью Сапожникова. См.: [13, л. 61–62].

<sup>4</sup> В 1911 г. Николай II принял в дар от Виндаво-Рыбинской железной дороги Великолукский Охотничий домик (павильон), созданный по проекту И. Я. Билибина, и повелел поместить этот павильон в Александровском парке. См.: [52].

<sup>5</sup> Вероятно, под избушкой подразумевается домик А. П. Кожевникова.

<sup>6</sup> В настоящее время в ГМЗ «Петергоф» находится модель Сельского приказного домика с подлинными мебелью, печами, посудой и прочими принадлежностями. Оригинальная модель сельского приказного дома была сделана А. П. Кожевниковым в 1847–1848 гг. и преподнесена императрице в июле 1849 г. См.: [58, с. 10–13].

<sup>7</sup> Вероятно, речь идет о Е. П. Севастьянове. «Одну из групп объединения „Реставратор“ возглавлял архитектор Евгений Павлович Севастьянов, который занимался объектами, расположенными в парках и в городе, тогда называвшемся Петродворцом». См.: [9, л. 2; 48, с. 414, 425].

### БИБЛИОГРАФИЯ

1. Архив ГМЗ «Петергоф». Белов А. А. Собственная ее величества дача Александрия. СПб–Петергоф. 1998. Авт. рукоп.
2. Архив ГМЗ «Петергоф». Тенихина В. М. Сельский детский домик. Авт. рукоп.
3. Архив ГМЗ «Петергоф». ПДМП 65-ак.
4. Архив ГМЗ «Петергоф». ПДМП 147-ак.
5. Архив ГМЗ «Петергоф». ПДМП 763-ар.
6. Архив ГМЗ «Петергоф». ПДМП 1173-фд.
7. Архив ГМЗ «Петергоф». ПДМП 6179/4 ар.
8. Архив ГМЗ «Петергоф» ПДМП 6214-ар.

9. Архив ГМЗ «Петергоф». ПДМП 7103/5-ар.
10. Архив ГМЗ «Петергоф». ПДМП 7328-ар.
11. Архив ГМЗ «Петергоф». ПДМП 7464-ар.
12. Архив ГМЗ «Петергоф». ПДМП 7672-ар.
13. Архив ГМЗ «Петергоф». ПДМП 7681-ар.
14. Архив ГМЗ «Петергоф». Ф. Р-2. Оп. 3. Д. 219.
15. Архив ГМЗ «Петергоф». Ф. Р-2. Оп. 3 Д. 220.
16. Архив ГМЗ «Петергоф». Ф. Р-13. Оп. 1 Д. 142.
17. РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 490. Оп. 2. Д. 1563.
18. РГИА. Ф. 490. Оп. 2. Д. 3141.
19. РГИА. Ф. 490 Оп. 2. Д. 3222.
20. РГИА. Ф. 963 Оп. 1. Д. 11.
21. РГИА. Ф. 963 Оп. 1. Д. 17.
22. ЦГАЛИ СПб. (Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга) Ф. 276. Оп. 1. Д. 46.
23. ЦГАЛИ СПб (Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга). Ф. 420. Оп. 1. Д. 1.
24. ЦГАЛИ СПб. Ф. 420. Оп. 1. Д. 45.
25. ЦГАЛИ СПб. Ф. 420. Оп. 1. Д. 46.
26. ЦГАЛИ СПб. Ф. 420. Оп. 1. Д. 47.
27. ЦГАЛИ СПб. Ф. 420. Оп. 1. Д. 48.
28. ЦГАЛИ СПб. Ф. 420. Оп. 1. Д. 49.
29. ЦГАЛИ СПб. Ф. 420. Оп. 1. Д. 50.
30. ЦГАЛИ СПб. Ф. 420. Оп. 1. Д. 51.
31. ЦГАЛИ СПб. Ф. 420. Оп. 1. Д. 52.
32. ЦГАЛИ СПб. Ф. 420. Оп. 1. Д. 53.
33. ЦГАЛИ СПб. Ф. 420. Оп. 1. Д. 54.
34. ЦГАЛИ СПб. Ф. 420. Оп. 1. Д. 55.
35. ЦГАЛИ СПб. Ф. 420. Оп. 1. Д. 56.
36. ЦГАЛИ СПб. Ф. 420. Оп. 1. Д. 57.
37. ЦГАЛИ СПб. Ф. 420. Оп. 1. Д. 58.
38. ЦГАЛИ СПб. Ф. 420. Оп. 1. Д. 59.
39. ЦГАЛИ СПб. Ф. 420. Оп. 1. Д. 60.
40. ЦГАЛИ СПб. Ф. 420. Оп. 1. Д. 68.
41. ЦГАНТД СПб (Центральный государственный архив научно-технической документации Санкт-Петербурга). Ф. 488. Оп. 325 Д. 794.
42. ЦГАНТД СПб. Ф. 488. Оп. 326. Д. 795.
43. Анисимова Е. Е. К истории создания деревни Глазово под Павловском. От проектов России к созданию Леоне Адамини. 1815–1822 // Петербургские чтения. Петербург и Россия. Науч. конф. 13–15 апреля 1994 г. СПб. : [Б. и.], 1994. С. 11–13.

44. Об отправных установках для разработки плана развития города Ленинграда // Архитектура Ленинграда. 1936. № 1 (июль). Л. : Тип. им. Володарского, 1936. С. 14–17.
45. Белов А. А. Хозяйственная жизнь Фермы дачи Александрия // 300 лет Петергофской дороге. 300 лет Ораниенбауму. История. Реставрация. Музеефикация : сб. ст. по мат-лам науч.-практ. конф. ГМЗ «Петергоф». СПб. : ГМЗ «Петергоф», 2012. С. 59–72.
46. Бондарев С. В. Довоенный Петергоф: музейная миссия и государственная идеология. Опубл. в: Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2016. Вып. 4. СПб., 2016 // КиберЛенинка : эл. науч. библ. URL: <https://www.cyberleninka.ru/article/n/dovoennyy-peterhof-muzeynaya-missiya-i-gosudarstvennaya-ideologiya/viewer>. (дата обращения: 04.02.2025).
47. Борисова Е. А. Русская архитектура в эпоху романтизма. СПб. : Дмитрий Буланин : ГИИС, 1997. 314 с.
48. Век реставрации пригородных дворцов. Трагедия и триумф : сб. ст. по мат-лам науч.-практ. конф. ГМЗ «Петергоф». СПб. : ГМЗ «Петергоф», 2019. 447 с.
49. Гейрот А. Описание Петергофа. СПб. : тип. Имп. Академии наук, 1868. 131 с.
50. Гуцин В. А. История Петергофа и его жителей. Кн. V. СПб. : Нестор-история, 2016. 346 с.
51. Зеленова А. И. Павловский парк. Л. : Лениздат, 1964. 151 с.
52. Зимин И. В. Александровский парк Царского Села. XVIII – начало XX в. Повседневная жизнь Российского императорского двора // ВикиЧтение. URL: <https://www.culture.wikireading.ru/86736> (дата обращения: 04.02.2025).
53. Карл Rossi. Портрет на фоне Павловска : каталог выставки, 27 июня 2019 – 27 сентября 2019 / авт.- сост Ламеко О. И. СПб. : ГМЗ «Павловск», 2019. 167 с.
54. Кислицина О. С. «Новый Петергоф» // Императорский вкус: каталог выставки. СПб. : Дитон Арт, 2018. С. 94–98.
55. Корсина М. Прогулки в Петергофе // Северная пчела. 1851. № 205 (15 сен.). С. 819–820.
56. Леонтьев А. Г. Воспоминания о работе на Петергофских памятниках в 1980–1985 гг. // Век реставрации пригородных дворцов. Трагедия и триумф : сб. ст. по мат-лам науч.-практ. конф. ГМЗ «Петергоф». СПб. : ГМЗ «Петергоф», 2019. С. 409–432.
57. Платонова М. А. К вопросу о жанре альбома «Петергоф» 1853 года: идеальный мир русского императора // История Петербурга. 2010. № 1 (53). СПб. : Нестор, 2010. С. 65–70.
58. Праницузова С. А. Модель сельского приказного домика на Бабигоне близ Петергофа // Нашокинский домик: миниатюрные предметы в музейном собрании : сб. науч. ст. СПб. : Всероссийский музей А. С. Пушкина ; Саратов : Амирит, 2020. С. 67–82.

59. Пунин А. Л. Архитектура Петербурга середины XIX века. Л. : Лениздат, 1990. 347 с.
60. Русский инвалид. 1814. № 63. 8 авг.
61. Тенихина М. В. Дворцово-парковый ансамбль Александрия в Петергофе // Петергоф в исторических описаниях : сб. ст. СПб. : Европейский дом, 2014. С. 62–127
62. Яранцев В. Н. Сельские домики императорских резиденций. Игровое пространство как феномен культуры. Сельский домик как игровое пространство // Памятник архитектуры от дворца к музею : сб. ст. по мат-лам науч-практ. конф. ГМЗ «Петергоф» : Европейский дом, 2013. С. 173–192.
63. Hecker A., Kalesse A. Die russische Kolonie Alexandrowka in Potsdam. Zurn Forschungsstand. Publ. im: Jahrbuch for Brandenburgische Landesgeschichte (JBLG). 2003. Bd. 54. S. 200–218 // Landeshauptstadt Potsdam. URL: [https://www.potsdam.de/system/files/documents/russische\\_kolonie\\_0\\_1.pdf](https://www.potsdam.de/system/files/documents/russische_kolonie_0_1.pdf) (дата обращения: 04.02.2025).
64. Makhrov A. Earth Construction in Russia: A Scottish Connexion. Architectural History. Vol. 40. 1997. P. 171–83. JSTOR (дата обращения: 04.02.2025) <https://doi.org/10.2307/1568673>
65. Martin M. Interiors and Interiority in the Ornamental Dairy Tradition. Publ. in Eighteenth-Century Fiction. V. 20. № 3. 2008 // Researchgate. URL: [https://www.researchgate.net/publication/254937896\\_Interiors\\_and\\_Interiority\\_in\\_the\\_Ornamental\\_Dairy\\_Traditio](https://www.researchgate.net/publication/254937896_Interiors_and_Interiority_in_the_Ornamental_Dairy_Traditio) (дата обращения: 04.02.2025).



1. Архитектор Г. И. Прибыловский [39, л. 2]



2. Березовый домик. 1900-е гг. Из книги: [50, с. 132]



3. Сельский Никольский домик с гравюры 1868 г. [42, л. 5]



4. Никольский домик. Фрагмент дворового фасада. До 1941 г.  
[42, л. 21]



5. Детский домик у Фермерского дворца. 1900-е гг.  
Из книги: [50, с. 69]